

черногорцы «под именем ружи разумеют не только один цветок розу, но и цветок вообще». Для черногорца «ружа имеет двойное значение: частное и общее, служащее для обозначения цветка, которому специально названия не знает». См.: *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. LXIX. № 1. СПб., 1901. С. 473.

⁶ Русско-узбекский словарь (Под ред. Р. Абдурхаманова). М., 1954. С. 346, 884. Узбекско-русском словаре (Главный редактор А. К. Боровков, М., 1959) *лола* — это только тюльпан (С. 242).

⁷ Таджикско-русский словарь (Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенского; главный редактор Е. Э. Бертельс). М., 1954. С. 207; Русско-таджикский словарь (Под ред. А. П. Бехоти и Н. Н. Ершова; главный редактор Е. Э. Бертельс). М., 1949. С. 772.

⁸ Туркменско-русский словарь (Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева). М., 1968. С. 436.

⁹ *Hachin R., Kohzad A.-A.* Legendes et coutumes afghanes. Paris, 1953. P. 9.

¹⁰ *Ibid.*, P. 51—52.

¹¹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 202—205, 318—319.

¹² *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 209 и далее; *Басилов В. Н.* Заключение // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 196—200; *его же.* Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

¹³ *Пещерева Е. М.* Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфраа Кокандского уезда // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927.

¹⁴ *Пещерева Е. М.* Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. М., 1963.

¹⁵ *Сухарева О. А.* Празднества цветов... С. 41.

¹⁶ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 374—375.

¹⁷ *Stapleton M., Servan-Schreiber E.* Le grand livre de la Mythologie grecque et romaine. Paris, 1985. P. 163.

¹⁸ *Басилов В. Н.* Следы культа... С. 137.

¹⁹ *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927. С. 79.

Sufic Symbolism and Folk Beliefs

(a commentary to the article of I. I. Melikova)

The analysis of Persian and Turkish poetry, presented in the article of I. I. Melikova, could be supplemented by the ethnographic data on «flower rituals» in Central Asia. Spring flower rituals, especially those devoted to the tulip and poppy, are immediately related to the ancient agrarian cult of dying and resurrecting floral gods. The ritual symbolic is associated with anguish and death. These mystic symbols were adopted by sufism as a part of cultural heritage.

V. N. Basilov

© 1994 г. ЭО, № 6

Ю. В. Кнорозов

ШАМАНСКИЙ ЗИКР В ПОДЗЕМЕЛЬЕ
МАЗЛУМХАН-СУЛУ

В 1946 г. я наблюдал *зикр* (суфийский по своему происхождению обряд) в исполнении шаманов. Зикр проводился в подземном строении (чилля—хона?), которое устная традиция связывает с именем легендарной красавицы Мазлумхан-сулу. И легенда, и краткое описание зикра приведены в моей статье «Мазар Шамун-наби»¹. Ниже дается подробное описание зикра (фактически воспроизведена с незначительными правками стилистического характера моя полевая запись от 19 сентября 1946 г.)². Это свидетельство очевидца, видевшего обряд около пятидесяти лет назад, может представить интерес для исследователей быта и в особенности религиозных традиций народов Средней Азии и Казахстана.

На кладбище Мазлум-хан, расположенном в 8 км от Ходжейли по дороге на Куня Ургенч, на вершине холма, в подземном мазаре Мазлум-хан (с разрушенным куполом), каждую неделю в ночь с четверга на пятницу происходит зикр, в котором принимает участие до 400—500 человек. Это преимущественно жители окрестных селений, удаленных от кладбища Мазлум-хан не более чем на 18—20 км. Те, кому идти пешком далеко или не под силу, приезжают к святыне на арбах или верхом на ишаках.

19 сентября 1946 г. первые посетители начали приходить около 14 час. Самым первым появился слепой старик, шедший без провожатых, затем пришли женщины группами в 3—6 чел. с приношениями (хлебные лепешки, баурсак, виноград, дыни, персики). Они направлялись прежде всего к мазару Шамун-наби, опускаясь на колени и прикасались лбом к порогу, затем трогали пальцами обеих рук землю у порога и проводили ими по лбу и бровям — от середины лба к вискам («снимали пыль»). К ним подходил шейх Шабанбай Курбаев, казах лет 35—38, садился внутри мавзолея у двери, с правой стороны (если смотреть на мавзолей, стоя снаружи, перед порталом), и читал, вернее, пел, молитву, после чего женщины подавали ему приношения, которые он возлагал на гробницу святого.

Поклонившись мазару Шамун-наби, женщины садились на суфе дома шейха, пили чай, заранее приготовленный в доме шейха, и предавались беседе. Шейх через некоторое время брал с гробницы приношения и часть их уносил в свою кладовую, часть раздавал присутствующим (в том числе и мне).

Одним из первых появился шаман (порхан) — высокий каракалпак с бубном, который он повесил на стену в доме шейха. Под его руководством три женщины в сопровождении ещё одного порхана отправились на холм Джумарт-Касаб. Взойдя на вершину, порхан-каракалпак завязал одной из женщин на талии белый кушак и затем толкнул её по склону холма (в исходном положении она лежала на боку). Внизу её подхватил другой порхан. В другой раз таким же обрядом руководил помощник шейха, живущий вместе с ним на кладбище, порхан Адхалык Кудайбергенов, казах лет 40—45. По его рассказу, порханом он стал четырнадцать лет назад, причем практиковал в Бухаре, Самарканде и других городах; восемь лет (с 1933 г.) провел в тюрьме (в Сибири и на Дальнем Востоке), где встречал местных шаманов, высланных в связи с репрессиями против мулл и баев. Дедушка его был тоже порхан и, по его словам, «работал» с огнем, отец — «самый главный» ишан (руководитель суфийского ордена) в Ходжейли. Адхалык одет в белые штаны, вельветовую куртку с застежкой «молния», подпоясан хлопковой веревкой, на ногах сапоги, на голове лисья шапка с очками от пыли. Глаза красные, воспаленные; видит плохо. Выражение лица апатичное, сонное, движения вялые (хотя довольно часто бывают переходы к резким быстрым движениям).

Порхан, явившийся с бубном, — каракалпак, 36 лет, из Ходжейли, одет в вельветовые брюки и военную гимнастерку. По-русски говорит немного, но с чистым произношением, держится корректно и производит впечатление образованного человека. Я попросил его написать арабскими буквами названия отдельных мазаров, что он и сделал. Под его руководством группы женщин уходили к другим мазарам (или, может быть, к могилам родственников), где, очевидно, происходили такие же моления, как и у мазара Шамун-наби.

Группы женщин отправлялись поклониться другим мазарам и без порханов. Часам к 16-17 женщин собралось человек 50—60; непрерывно подходили новые группы, так что шейх уже не покидал своё место за порогом мазара Шамун-наби, читая молитвы, и только изредка выходил, чтобы отнести приношения к своей кладовой. В общем настроении отнюдь не чувствовалось приготовления к чему-либо торжественному — пили чай, смеялись, шутили, очень громко разговаривали, слышались отдельные восклицания. Явно больных было мало — всего

несколько человек с воспаленными глазами и захворавших детей. К вечеру пошел мелкий дождь, стало холодно. Большинство женщин сидело в доме шейха, куда пришел также порхан-каракалпак и ещё несколько мужчин — порханов. Другие женщины группировались около дверей мазара Шамун-наби, где не прекращались моления, и в помещении, воздвигнутом рядом с мазаром.

К вечеру Кудайбергенов сделался неузнаваемым: из апатичного и вялого он превратился в подвижного, ловкого балагура, непрерывно проделывавшего какие-либо выходки — так он набрасывал на женщин свой бараний тулуп или делал вид, что хочет его набросить на голову женщине, надевал его на себя вывороченным наизнанку и начинал кривляться, хлопая в такт ладонями и издавая особый звук (своеобразное хрипенье «хххх» при вдохе и шипенье «кшшш» при выдохе).

В комнате шейха он подошел к сидящей женщине среднего возраста, хлопая в ладоши с тем же звуком, затем схватил её за руки и стал разводить их в стороны и вверх. Секунд через 15 она со стоном упала на пол. Порхан посадил её, подняв за плечи, и издал перед её лицом особый звук, напоминающий свист хлыста, после чего она приняла совершенно нормальный вид.

Около 20.30 порхан-каракалпак снял со стены свой бубен и начал перебирать пальцами по нему, пробуя звук; затем слегка подсушил его у огня очага, сказав мне при этом по-русски, что в сырую погоду звук делается глухим. Поднялся общий шум, началось движение (вероятно, по сигналу шейха). Порхан-каракалпак спрятал бубен под полу и вышел из дома шейха. За ним последовали все присутствующие. Снаружи было совершенно темно. Появился шейх с фонарем и пошел впереди, освещая дорогу; за ним потянулась длинная вереница, по трое-четыре в ряд, насколько позволяли кладбищенские тропинки. Шествие направилось к позднему мазару Мазлум-хан.

В большом подземелье все расположились неровным кругом. Шейх повесил фонарь на стену. Присутствовало 100—120 человек — главным образом, женщины (до 80%), дети (мальчики и девочки) разных возрастов, вплоть до грудного (около 15%) и очень немного мужчин, почти все старики. Женщины преобладали среднего возраста (20—35 лет).

Все сидели способом *джикке джугенб отур* (чтобы принять эту позу, нужно, став на колени, затем сесть на свои пятки), мужчины и женщины вперемежку, с левой стороны от входа в подземелье в один ряд, с правой — в несколько рядов (часть пришла несколько позже). Внутри круга сели таким же способом пять порханов, составив в свою очередь маленький кружок. Четыре из них были сравнительно молодыми (лет 35—45), пятый старше (лет 55). Порхан-каракалпак прочел короткую молитву, закончившуюся словом «омин», которое присутствующие повторили одновременно с молитвенным жестом. После этого порхан-каракалпак, медленно ударяя в бубен, запел призывную песню-молитву, упоминая различных святых, в том числе Шамун-наби, Мазлумхан и т. п., и повторяя многие обычные обороты из призываний порханов («Альгам баши бисмилля» и т. д.).

Темп ударов бубна и песни постепенно ускорялся. С первыми ударами старый порхан встал и через некоторое время стал медленно расхаживать взад и вперед, издавая сначала потихоньку, а затем громче короткие отрывистые звуки, наподобие хрипа и рычания при каждом выходе. Вскоре Кудайбергенов начал двигаться по кругу, наклоняя тело в разные стороны; он взмахивал руками так, словно засучивал рукава. При этом порхан издавал шипящий звук «кшш» при выдохе и хриплый звук при вдохе. Двое порханов взяли за плечи, стоя рядом друг с другом и начали быстро нагибать корпус вперед, издавая дикое хрипенье при каждом наклоне (наподобие «хо», но чрезвычайно хрипло).

Через 7 минут после начала своей игры порхан-каракалпак отложил бубен, встал и тоже присоединился к беснующимся, прикладывая руку тыльной стороной ко рту и издавая очень хриплый звук.

Поведение порханов во время зикра было различным. Кудайбергенов, босой, с головой, повязанной белым платком, в белых штанах и бархатной куртке,

поверх которой он надел белую рубаху без пояса, с напряженным и искаженным лицом, весь покрытый потом перебежал вдоль ряда сидящих, как бы отыскивая среди них кого-то. Сильно наклонив корпус (почти на 90°) и делая руками различные движения, чаще всего как бы засучивая рукава или поднося руки к лицу, он повторял шипящий звук при выдохе и хриплый — при вдохе. Иногда он быстро произносил отдельные слова, срывая с головы платок, и размахивал им. Иногда казалось, что он нашел нужного ему человека — первой оказалась та самая женщина, которую он «разыгрывал» до зикра. Он остановился перед ней, проделывая те же манипуляции руками, затем положил руки ей на плечи и принялся раскачивать её в такт своим звукам. Через несколько мгновений она стала повторять его движения, тогда он поднял её на ноги и увлек в круг беснующихся порханов, а сам бросился дальше. В других случаях, останавливаясь перед избранной им женщиной, он начинал петь, делал те же движения руками, затем охватывал голову избранной и раскачивал её в такт своему пению вперёд и назад, но в большинстве случаев не выводил её в круг (для этого требовалось, чтобы она пришла в экстаз), а заканчивал пением особым звуком, вроде свиста хлыста, издавая этот звук прямо ей в лицо. Женщина продолжала сидеть. Из мужчин он останавливался только перед стариком в большой традиционной хорезмийской шапке из черного бараньего меха. Этого старика он и другие порханы упорно пытались неоднократно вывести в круг, но удалось это только два раза. Тех, кто был выведен в круг, порхан кружил на одном месте, держа за руку или за шею, или же оба они, стоя друг против друга, очень часто и быстро нагибались, повторяя хриплый звук «хо», переходящий в рев.

В конце концов женщина падала в изнеможении со стоном, в котором своеобразно смешивались страдание и блаженство. (То же самое случилось довольно быстро со стариком.) Упавшую порхан оттащивал и усаживал на место; придерживал её голову, он близко наклонялся к её лицу и издавал два-три раза своеобразный звук, вроде свиста хлыста, после чего к женщине моментально возвращался нормальный вид. Кудайбергенов неоднократно выводил в круг девочку лет 12.

Незадолго перед концом он схватил топор, который ему подали женщины, обнажил левую половину груди и, размахнувшись несколько раз, с восклицанием «алла-гу!» со всего размаху ударил себя обухом по груди в области сердца так, что гул разнесся по всему подземелью. Таких ударов он нанес себе около двенадцати, после чего, бросив топор, опять начал перебегать по кругу. Второй раз, нанеся себе 12—15 ударов, он приложил топор острием к диафрагме, а шейх, который во время зикра спокойно стоял или расхаживал внутри круга с видом директора, раз восемь ударил изо всей силы по обуху молотом. Судя по тому, что обряд не нарушился, ран на груди не оказалось.

Другой порхан-каракалпак с бубном, в вельветовых брюках и куртке (перед зикром он снял военную гимнастерку), подолгу стоял на месте, издавая хрипкое восклицание, поднося руку тыльной стороной ко рту и раскачивая корпус во все стороны. Затем он начинал бегать вдоль сидящих, останавливался перед какой-либо женщиной или даже садился против неё тем же способом *джукке джугенеб отур* (особенно часто он делал это в конце зикра) и принимался петь красивым, певучим голосом. Окончив пение, он дул в лицо женщине и свистел, хлопал её 2—3 раза по плечу или по спине и отходил. Несколько раз он выводил женщин в круг и кружил их на одном месте наподобие волчка или заставлял повторять свои движения — наклоны корпуса с возгласом «хо». Когда женщина приходила в полубессознательное состояние и останавливалась, шатаясь, он быстро уводил её на место, обдувал и хлопал по плечу. Два раза он, как и Кудайбергенов, наносил себе удары топором по обнаженной груди, после чего приходил в изнеможение и некоторое время стоял спокойно. Во время зикра он несколько раз выходил из экстаза и прекращал свои действия, но секунд через 15—20 опять продолжал их. Незадолго перед концом зикра он остановился передо мной, знаком приказал мне опуститься и сесть на пол в той же позе, что и другие участники

зикра, и начал петь, периодически касаясь рукой моей головы и плеча, перебирая пальцами. Обдуть меня он почему-то не стал.

Позднее, во время зикра же, он и мои соседи в ряду пытались мне что-то объяснить; я понял только, что у меня три брата в армии, один из них был ранен в руку и скоро вернется домой. Вообще, когда порханы останавливались перед участниками зикра, женщины обязательно давали им деньги, которые они брали, несмотря на свой экстаз.

Третий порхан — казах лет 55, низкого роста, плотный, в черной шапке, белых брюках и белом пиджаке, с плетью в руке, медленным размеренным шагом ходил по кругу, однообразно повторяя один и тот же звук «кххх», наподобие отрывистого рычания. Иногда он останавливался перед какой-либо женщиной, издавал более продолжительное свирепое рычание, бил её плетью и тащил за шиворот в круг, но скоро бросал и продолжал неторопливо передвигаться по кругу.

Однажды он бросился на женщину, выведенную в круг другим порханом, подняв её и с силой бросил на каменный пол, затем схватил 12-летнюю девочку, выведенную в круг Кудайбергеновым, и тоже швырнул её на пол. Кудайбергенов бросился к нему, обхватил его, и между ними началась своеобразная борьба. Кудайбергенов скоро повалил его, отбежал, но в тот момент, когда казах поднимался, стукнул его лбом по голове, повторив этот прием несколько раз. После этого порхан уже не пытался вести себя так агрессивно.

Четвертый и пятый порханы не были так заметны для меня, отчасти потому, что я находился на противоположной стороне круга, далеко от них. Один — среднего роста, толстый, в черной рубашке и брюках, в тюбетейке, поверх которой был повязан платок, — часто вытягивал женщин в круг, обводил их вокруг себя, заставляя повторять свои движения. Особенно долго он проделывал различные упражнения с 12-летней девочкой, понуждая её бегать взад и вперед по его команде («унга!» — «мунга!»). Чувствовалось, что он обладает большим влиянием на присутствующих. Другой порхан, казах лет 35—38, выше среднего роста, в военных брюках и гимнастерке, без головного убора, с плетью в руке, стоял большей частью около фонаря и в центр круга выходил редко, так что был заслонен от меня другими порханами. Я видел, как он несколько раз воздымал руки кверху и потрясал ими.

Кроме порханов, из присутствующих выделялась упомянутая девочка лет 12, которая сама стремилась в круг и несколько раз выходила туда без порханов; она кружилась и как бы плясала на одной ноге, быстро склонялась с восклицанием «хо» — одна или повторяя движение стоящего против неё порхана. Дойдя до крайнего изнеможения, девочка воздевала руки кверху, движения её замедлялись; медленно поворачиваясь, шатаясь, восклицая чистым звонким голосом «Аллах» или «Бисмилля!», причем голос её замирал и переходил в стон, она падала навзничь лицом вверх. Порхан оттаскивал её на место, свистел в лицо, хлопал по плечу, и через несколько времени она опять появлялась в круге. Кроме Кудайбергенова, с ней много занимался толстый порхан, который, помимо обычных телодвижений, заставлял её бегать, сопровождая свои резкие приказы столь же резким жестом руки с плетью.

Незадолго перед концом зикра в круге оказалось сразу 5—6 женщин, которые, взявшись за плечи, вперемешку с порханами, образовали круг. Они быстро нагибались с восклицанием «хо». Довольно скоро они начали выбывать из круга одна за другой. Казалось, сеанс подошел к концу, так как порханы стали рассаживаться для молитвы. Но Кудайбергенов опять бросился бегать по кругу и постепенно вовлек в зикр всех остальных.

Наконец, минут через 15 зикр окончился. Шейх прочел заключительную молитву, во время которой все сидели, обратив кверху ладони для молитвенного жеста. Затем он снял фонарь со стены и направился к выходу, а за ним последовали все присутствующие. Зикр продолжался 2 часа.

Женщины сидели в доме шейха всю ночь (лечь было негде) и разошлись на рассвете. Часам к 8 на кладбище не осталось никого, кроме шейха и Кудайбер-

генова, который опять сделался вялым и апатичным. Шейх тоже не был склонен разговаривать о зикре. Однако удалось выяснить, что главным распорядителем шейх считает себя — в частности, ответственным за то, что ни с кем из участников зикра не случится ничего плохого. Самым главным порханом является Кудайбергенов. Остальные порханы пришли по их приглашению, кроме самого старшего (с плетью), о котором Кудайбергенов сказал, что это «не порхан, а обезьяна». Хотя Кудайбергенов объявил, что ничего не помнит, однако объяснил, что бил головой пожилого порхана за нарушение правил зикра. Женщины могут быть порханами, по его словам, только до потери девственности, после чего дух-помощник (арвах) их покидает; 12-летняя девочка, участвовавшая в зикре под его руководством, станет хорошим порханом. Чтобы стать порханом, нужно, имея арвах, приобрести опыт под руководством уже знающего порхана.

Когда порхан-учитель считает, что его ученик (или ученица) достаточно опытен, последний делает подарок и угощение (*садака*) своему учителю, получает от него благословение (*патья*) и с этого времени считается самостоятельным порханом.

Шейх просил нас не упоминать о зикре, если мы встретимся с Абдуллой Ермановым, инспектором мусульманской веры в КК АССР, так как он «порханов не любит». По словам шейха, 19 сентября из-за плохой погоды собралось очень мало людей, обычно же бывает человек 400—500 и зикр продолжается часа четыре.

* * *

Сегодня, по прошествии почти полувека, в условиях возрождения ислама шейх не стал бы опасаться инспектора Ерманова или иного представителя властей. Я также могу не беспокоиться о том, что мой рассказ об увиденном кому-то навредит. Предложенная читателю полевая запись, в которой описан зикр, дает некоторое представление об обряде, в котором традиции мусульманского мистицизма теснейшим образом сплелись с шаманством. Это явление, уже получившее отражение в литературе, интересно для понимания особенностей ислама в Средней Азии, в частности, в Каракалпакии, сохранявших силу в середине XX столетия.

Примечания

¹ Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-наби // Сов. этнография, 1949, № 2.

² Материалы Хорезмской экспедиции Института этнографии АН ССР. Полевые записи Ю. В. Кнорозова (архив автора).

Shamanic Zikr in the Underground Chamber of Muzlumkhan-sulu

Author's fieldnotes from Karakalpakia, dating back to 1946, are reproduced. The author had witnessed an originally Sufic ritual Zikr in the underground chamber, according to the local legend named after a certain Muzlumkhan-sulu. The traditions of Moslem mysticism are fused in the ritual with shamanic rites.

Yu. V. Knorozov